

АХИЦЕРЯ

DALEKONIRAL

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

dalekoniral

Ахинея

«Автор»

2026

dalekoniral

Ахинея / dalekoniral — «Автор», 2026

В мире, где музыка запрещена, а душа считается болезнью, один пацан с гитарой бросит вызов системе. Тимофей — не герой. Он — выродок. Так его называет дядя, избивающий его до кровавой корки. Так написано у него на лбу. Так думает он сам. У него нет друзей. Нет семьи. Нет будущего. Но есть бирюзовая гитара, спрятанная в старом гараже. Первый аккорд пробуждает в нём комок — сгусток чистой, концентрированной ненависти. Теперь гитара в его руках дробит кости, впитывает души и поднимает его в небо. Он больше не жертва. Он — Рогатый. За его голову назначена цена. Но у судьбы странное чувство юмора: именно сейчас он встречается Её. Бьянку. Дочь того самого человека, который должен его уничтожить. И когда Система заберёт у него всё, что он любит, Тимофею придётся ответить на вопрос, который дороже жизни: Что делает нас людьми — ненависть, которая даёт силу? Или любовь, которая делает нас уязвимыми?

© dalekoniral, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Выродок	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

dalekoniral

Ахиenea

Выродок

Чистота разума — превыше всего.

«Я сделаю это сегодня».

По бледному лбу Тимофея стекал холодный клейкий пот. Парень несколько раз вытер влагу рукой, задевая свои жёсткие лохматые волосы. Он тяжело выдохнул. Сделал вытянутый шаг вперёд через выцветший белый дверной проём.

Он медленно прошёл в гостиную.

Пахло дешёвым табаком и алкоголем. Штукатурка давно отслоилась со стен, обнажая серый бетон.

По комнате летали чёрные точки. Мухи. Жирные и упитанные, они жужжали под ухом. Жёлтая липкая лента была полностью покрыта мёртвыми мошками. Некоторые из насекомых шевелились в клейкой ленте в попытках вырваться, отрывая свои лапки. Длинный коричневый шкаф был съеден пятнами синей плесени.

Парень осторожно передвигал ногами, молясь, чтобы старый деревянный пол скрипел меньше обычного. Комната напротив, как бы специально вытягивалась вперёд.

С потолка шла зелёная течь. Пробоину пытались заделать жёлтыми газетными вырезками.

Тимофей дышал прерывисто, тихо и часто. Он подходил к синему, потрёпанному временем креслу, обходя бутылки из-под пива. Кресло состояло из дыр, в которых шевелились огромные тараканы. Тимофей сжимал в тощей руке острые ножницы. Их лезвия блестели во тьме комнаты.

На кресле лежала жёлтая крыса. Губа отгибалась вниз и можно было разглядеть коричневые зубы курильщика. Крыса прерывисто сопела. Из пасти разило перегаром. Тело было покрыто красными раздутыми волдырями, готовыми вот-вот лопнуть. Заляпанная белая майка была натянута на пухлое массивное тело. Синие спортивные разорванные шорты чуть свисали вниз. Порванное ухо шевелилось в такт скрипа паркета. Дядя раскинул свои человеческие кисти с кресла. На костяшках пальцев виднелись багровые гематомы.

Тёмную комнату ярко освещал включённый телевизор, который стоял на изъеденном грибок шкафу. Экран потрескивал и трещал. Телевизор опять показывал кислотно-яркие геометрические фигуры: треугольнички, кружки и квадратики. Они появлялись в разных случайных местах экрана.

Из дисплея телевизора торчали склизкие длинные щупальца. Они были вытянуты через всю комнату. Они медленно шевелились в глазницах дяди, проникая прямо к мозгу. Щупальца выкачивали сгусток слипшихся нитей и вкачивали нейромедиаторы.

На журнальном столике лежала импровизированная пепельница из жестяной банки. В ней — гора окурков с зелёными следами слюны. Весь стол был в пятнах от потушенных сигарет.

По комнате разносилось шипение телевизора. С каждой секундой оно становилось всё громче при приближении к креслу.

Голова Тимофея гудела, виски сдавливала тупая знакомая боль. А посреди этой боли было чувство.

Ненависть.

Тимофей схватился одной рукой за свою желтоволосую голову, сдавливая череп, пытаясь запихнуть спутанные нити сгустка обратно. Парень прикусил сухую губу до крови. Из больших заплавленных глаз побежали слёзы.

Юноша подошёл к спинке кресла. Он занёс холодное лезвие ножниц над упитанной шеей дяди. Целился в сонную артерию. Осталось лишь хорошенько надавить... Кровь польётся струёй. Он начнёт защищаться — пара точечных ударов закончат его омерзительное существование.

Крыса вытащила длинный язык. Запахло тухлой курицей.

— Марта... — пробормотал дядя-крыса сквозь сон.

На секунду дядя в глазах Тимофея приобрёл человеческий вид. Ненадолго. Дядя снова обратился в очертания крысы и стал гулко храпеть.

Кончик лезвия слегка впился в жёлтую шерстку дяди, багровая капля выступила на коже.

«Ну же... Давай! Вбей лезвия ему в глотку!».

Тимофей ударил кулаком себя по виску. Этого хватило, чтобы взять над собой контроль.

Нити внутри черепа зашевелились, как черви.

Тело не слушалось.

Сгусток внутри хотел его смерти. Сгусток жаждал увидеть, как тот медленно и мучительно задыхается от собственной крови.

Тимофей укусил себя за кисть. Надавил. Зубы впились в ткань. Кровь потекла по подбородку, каплями впитываясь в телесный шерстяной ковёр.

Нити втянулись обратно в голову. Он разжал челюсть. Опустил ножницы.

Треугольники на экране сменились мерцанием белого и чёрного. Щупальца втянулись обратно в телевизор. На морде дяди образовались следы от присосок.

Тимофей подошёл к шипящему телевизору. Всмотривался в белые и чёрные полосы, не разжимая ножниц.

Он потянул руку к розетке, чтобы выдернуть шнур. Телевизор запищал и замигал красным и белым.

Дядя открыл свои бордовые глаза. Крыса резко вскочила на свои лапы. Теряя равновесие, дядя сделал широкий шаг и почти сразу же споткнулся о журнальный столик. Туша упала на ковёр. Жестяная банка с окурками рухнула вместе с ним. Тимофей взялся двумя руками за ножницы.

— Не подходи! Не подходи, блять! — заорал парень.

Дядя-крыса кое-как встал с пола. Шатаясь, он медленно приближался теми же широкими шагами в сторону дрожащего парня и что-то быстро бубнил себе под нос. Его морда скривилась в уродливый звериный оскал, и он бросился вперёд.

Тимофей несколько раз полоснул ножницами по воздуху. Крыса отпрянула назад и остановилась. Лезвия один раз попали точно по руке. Дядя взглянул на порезанную человеческую ладонь. Рана напоминала маленький затопленный красной краской каньон.

— Убью, суку, — прошептал дядя.

Дядя вцепился своими ручищами в руки мальчика, стараясь вырвать ножницы. Сжал его кисти так, что они хрустнули, ударил пощёчину. Схватил за жёлтые немытые волосы. Ещё один удар. Прямоком в переносицу, где уже был крючковатый шрам. В глазах Тимофея всё покраснело. Ножницы выпали из рук на коричневый потёртый пол. Дядя повалил его на ковёр. Жёлтые длинные ногти вцепились в шею. Тимофей попытался отбиваться. Царапался, оставляя красные борозды. Вырывался и вскрикивал.

— Убить хотел меня?! Зря я тебя не добил! — кричал дядя, брюзжа слюной.

Держа его за шею, он бил его об пол, выкрикивая:

— Выродок! Выродок! Выродок!

С каждым ударом Тимофей терял связь с реальностью. Парень закатил глаза. Клубок нитей погас. Настенные часы в комнате с дребезгом упали на пол. За секунду Тимофей вспомнил всю свою короткую, пустую жизнь. Вспомнил всё до последней детали. Он вернулся назад. Вернулся туда, с чего всё началось.

Щелчок

Тимофей открыл бордовые зрачки. Всё та же липкая испарина стекала по натянутой белой коже. Он поднял свою руку. Она была покрыта тёмно-зелёными пятнами от синяков. Он вытер солёные капли со рта и лба. Провёл языком по сухим губам.

Ему снова приснился страшный сон, который он никак не мог запомнить.

Из коридора опять доносился звук разбитой бутылки. Это опять буянил дядя Щелкун. Очередная бутылка чем-то не угодила, и он вынес ей смертный приговор.

Тимофей приподнялся. Боль в рёбрах отдалась в спину, и он цыкнул. В глаза светили лучи белого фонарного столба. Фонарь освещал тёмную затхлую комнату. Лампочка в комнате давно перегорела. Рёбра в виде помятой лестницы выпирали через майку в красных пятнах. Под глазом — иссиня-чёрный фингал.

В тесной комнате с выдранными телесными обоями, на которых были кручёные фиолетовые спиральки стояло не так много мебели. Сломанная кровать со старым матрасом, из которых торчали пружины. Деревянный стол, который трясся от любого прикосновения. Старый пожелтевший системный блок компьютера. Маленькая тумба в углу комнаты стала жилищем для пауков с гигантскими тонкими лапами. Настенные часы с разбитым стеклом и стрелками, что продолжали неуклонно идти вперёд. С открытой форточки с деревянными потрескавшимися белыми ставнями дул промозглый ветер.

С улицы пахло жжёным пластиком.

На улице скулила и выла собака. Недалеко кто-то поджёт урну с мусором, видимо, чтобы погреться или же избавиться от запаха тухлого мяса. В соседней комнате слышны были крики соседей. Они часто дрались под вечер, а затем заканчивали вечер сиплыми стонами.

Пальцы рук юноши от судорог свёртывались в косичку. Гул монументального красного завода на окраине резал голову. С каждой секундой он всё громче закрадывался в мозг.

Голова трещала. Парень провёл по ушам. На пальцах осталась тёмная, вязкая жидкость с запахом серы и приторно-сладким духом.

Единственное лекарство — экран.

Тимофей вскочил с кровати и включил компьютер. На квадратном пузатом мониторе застыл кислотно-жёлтый треугольник.

Запертая белая дверь. В ней дыра от удара. Включённый мигающий экран. Большие склизкие сиреневые щупальца пробивали глаза Тимофея. Они пробирались к мозжечку, транслируя счастье и яркие геометрические фигуры. С чавкающим влажным звуком отростки шевелились в глазницах. Тимофей тупо улыбался, и с подбородка стекала тонкая полоска слюны.

Из коридора доносились крики пьяного человека. Щелкун упал на пол и стал биться об пол в алкогольной агонии. В руках он сжимал фотографию женщины с маслянистыми волосами. Женщина улыбалась своими пухлыми губами.

Рыжие лучи солнца пытались прорваться сквозь плотные занавески комнаты Тимофея. Холодная ночь сменилась не менее холодным утром. Тимофей кое-как оторвал глаза от щупалец. На веках и щеках образовались засосы. Запахло морепродуктами и протухшей рыбой.

Он с отвращением глядел, как щупальца сморщились и втянулись обратно в экран. Ему хотелось промыть мозги под шлангом — он знал, как эти присоски ласкали его изнутри и вытягивали червивые нити.

Парень подошёл к тумбе. Открыл её. Дверца почти слетела с петель. Достал выданный сканер психоаффективного конденсата. Устройство походило на увесистый инфракрасный термометр.

На вытянутом корпусе сканера была истрёпанная надпись:
ФРАКТАЛ-12. СЛЕДИТЕ ЗА КОНДЕНСАТОМ ДОМА.

Он включил устройство и навёл его на свою голову. Красные прямые плоскости стали перемещаться, взад-вперёд сканируя и просвечивая мозг.

В центре мозга шевелилась тёмная масса из перечёркнутых линий. Масса пульсировала и просилась на волю.

На экране высветилось:

ПСИХОАФФЕКТИВНЫЙ КОНДЕНСАТ: СПИРАЛЕВИДНОГО ВИДА

УРОВЕНЬ: ВТОРОЙ

НОРМА: ВЫШЕ НОРМЫ

Парень откинул сканер в сторону кровати. Ногти вцепились в зудящий лоб.

— Не чистится! Мозг, мать его, не чистится!

Щупальца почему-то не чистили нити. Уровень конденсата оставался прежним. Кулер компьютера закрутился быстрее. Экран запищал.

От голода заболел живот.

Щелчок

Тимофей с кухни, сделав бутерброд из синтетической колбасы, направлялся в комнату. Цветом и запахом колбаса походила на мясо, но на вкус была как жирная рыба. Идя на цыпочках, он старался не разбудить крысу. Пол предательски треснул под носком.

Крыса, лёжа на кресле с бутылкой в обнимку, открыла глаза и обратила внимание на шум, доносившийся из коридора. Он поднёс бутылку к горлу. Светлые капельки стекали с зелёного горлышка прямо в пасть. Щелкун перевернул бутылку и потряс горлышком вниз.

— Пацан, сходи за пивом! — послышалось из гостиной.

Он небрежно откинул бутылку в сторону сбив шеренгу жестяных банок. Банки упали набок. Он выбил страйк.

— Мне уже не продают в том магазине.

— Сегодня продадут. Там Зина за прилавком. И побыстрее давай... башка болит, опохмелиться надо.

Тимофей взглянул на настенные часы в гостиной. Девять утра. Время открытия магазинов. Из окон били белые, тусклые солнечные лучи. Свет освещал пыль, которая летала в воздухе квартиры.

Тимофей отложил тарелку бутербродов и вяло прошёлся до прихожей. Мышцы ног скулили от синяков. На прибитой полке в прихожей всё ещё оставалась женская косметика. Она полностью покрылась пластом пыли.

Парень надел рваный белый свитер. Открыл дверь, из которой, как опухоль, торчала белая обивка. Надел кроссовки, на которых был тонкий слой красной грязи, с отклеивающейся подошвой, склеенной изолентой.

Он достал деньги из кошелька Щелкуна. Кошелёк всегда лежал рядом с обувницей. На деньгах была изображена фиолетовая спиральная фигура, обладающая свойством самоподобия.

Тимофей снял респиратор с вешалки. Он постучал рукой по маске. Пыль поднялась вверх. Он случайно вдохнул частички пыли, от чего горло схватило судорогой, и он прокашлялся. Выходя, он плотно захлопнул за собой дверь.

Щелчок

Чёрный пейзаж гниlostных дворов. Посредственность панельных близко посаженных домов. На зданиях прорастали розовые пульсирующие опухоли. Наросты шевелились, внутри них циркулировала бирюзовая смолянистая жидкость. Опухоли разрастались по фасадам,

перекидывались на соседние дома, спускались к тёмному асфальту. Они поедали деревья, детские площадки, лавочки. Новообразования укоренились в фундаменте, вращали корнями в кирпич и бетон. Запах стоял жуткий: смесь гнилой рыбы, мяса, сырости бетона и невысохшей краски. Наросты просачивались в квартиры. Опухоль пускала капилляры по комнатам, съедая домашнюю утварь.

Очертания луж в дырявом асфальте напоминали маленькие континенты. Рядом рос ярко-кислотный мох. Асфальт был вечно липким и пах просроченным тестом.

На кирпичных стенах — полинявшая краска, под ней — граффити. Запрещённые рисунки, которые тщательно старались скрыть.

Рядом пролетели стрекозы размером в кулак. Они остановились в метре от лица парня и долго вглядывались в его пустые глаза. Тимофей спугнул их, ударив по воздуху ладонью.

На деревьях выросли волдыри, при касании выбрасывающие в воздух древесную стружку, которая застревала в лёгких. Деревья росли быстро, их не успевали спиливать.

Машин почти не было. Автомобили (или то, что от них осталось) часто стояли на стоянках давно разобранные на запчасти. В одной из таких машин пророс исполинский мутакулён — дерево с чёрно-белым стволом, который кверху изгибался в узел. Листья были красными и пахли гарью.

Вдали возле завода стояли красные холодные Телебашни — извращённая линия электропередач. Они часто издавали протяжные мяукающие звуки. Телебашни стояли стройным рядом, покрытые фиолетовой лозой.

По очищенной части улицы, где не было наростов, располагались голографические высокие вытянутые стенды с треугольником, который включал в себя множество других треугольников по меньше.

На одном из высоких зданий была огромная голографическая надпись в голубых тонах:
75 ЛЕТ С МОМЕНТА КОНТАКТА! СПАСИБО, ЧТО ВЫБРАЛИ НАС!

Рядом с надписью были изображены тёмные человечки, а рядом — вытянутый овал, похожий на глазницу.

Старые коричневые качели качались от чёрствого ветра.

Детей на площадках не было. Они сидели дома, всматриваясь в геометрические фигуры. Ветер шёл со стороны радиоактивных степей. По запаху он походил на кислый йод.

В клумбе-шине выросла пластмассовая лилия.

Завод вдали зашипел. Из его труб повалил бордово-ядовитый дым. Завод состоял из длинных бетонных матово-чёрных трубок — высоких и тонких, как металлические штыри. Центр — монолитная огромная цитадель похожая на обработанный куб. Над цитаделью всегда стояла непроходимая красная дымка, скрывающая её острую верхушку.

Тимофей надел респиратор. Он был светло-зелёного цвета с торчащими боковыми фильтрами, которые нужно было каждую неделю менять. В городе Т прогулка в респираторах — обычное дело. Люди носили разные модели, и по их виду можно было определить социальный класс: чем массивнее фильтры, тем выше положение.

Тимофей шёл сквозь красный туман. Нередко сталкиваясь с людьми, спешащих домой во время выбросов.

Он зашёл в старый кирпичный магазин. Отряхнул с себя красную сажу на входе. На прилавках — пусто. Хлеб, масло, пиво. Взял пиво. На ощупь — теплое. Глаза продавщицы в белом рабочем фартуке впитывали светящиеся щупальца из экрана телефона. Парень оставил деньги на прилавке.

Он вышел на улицу, пригладил рукой отклеивающуюся изоляцию на кроссовке, засунул руки в карман и пошёл сквозь узкие пустые улочки. Туман рассеивался, он оседал на земле. По обеим сторонам узкой улицы росли гигантские синие грибы. Ночью они слегка подсвечивались

и издавали стрекочущий звук. Их шляпы невозможно было пробить. Корневая система — из толстых трубочек — уходила в подвалы домов.

Тимофей вышел на небольшую площадь. Дома вокруг создавали форму колодца. В колодец забежал молодой человек. Сзади него неуклюже болталась гитара. На лице у него была деревянная маска с узкими прорезями. Он побегал в другую маленькую подворотню. Подворотня кончалась ещё более узким колодцем телесных потрёпанных зданий и длинным чёрным забором. Дома были в трещинах, откуда росли фиолетовые грибки.

Тимофей встал. Ноги съела земля. Он мельком увидел гитару. Он знал, чем это кончится. По спине пробежала мурашки.

Гитарист развернул гитару к себе. Он поставил руки на струны. В колодец забежали два стабилизатора. Их топот ног распространялся эхом по колодцу. Они пробежались по лужам. По колодцам вспыхнули громкие вспышки, будто разорвали петарду. Через секунду гитарист упал на поломанную брусчатку. Несколько пуль с шипящим звуком врезались в тело молодого человека, и он со сдавленным стоном свалился на землю.

Колодец окружили несколько подлётевших дронов. Один из дронов стрекоча полетел к Тимофею. Он просканировал юношу своим инфракрасным лучом. Задержался в воздухе, а следом отправился ввысь, продиктовав непонятный набор цифр механическим голосом. В колодец забежали ещё три оперативника. У всех у них был в центре нагрудника светящийся рубиновым символ треугольника, состоящий из множества других треугольников.

К зданию подъехало несколько бронированных фургонов. Жители дома позакрывали окна и занавесили шторы. Тимофей медленно пошёл в сторону подворотни к арке, разделяющей два жилых дома.

В воздухе запахло раскалённой плотью.

Территорию узкого колодца моментально оцепили синей голографической лентой. Двое стабилизаторов были одеты в лёгкие бронированные пластины-панцири чёрного матового цвета. Этот цвет поглощал всяческий свет вокруг. Пластины были легки и не сковывали их в движениях, от чего те быстро подбежали к Тимофею.

— Покиньте заражённую территорию. Фрактал проводит протокол «Санация», гражданским вход запрещён, — сказал один из солдат жёстким роботизированным голосом, который отдавался эхом в голове.

Тимофей остановил взгляд на них и долго всматривался. Поверх пластинчатого бронекостюма они были одеты в длинные потёртые тёмные пальто. На их головах такой же чёрный безликий шлем, который полностью закрывал шею и голову. В центре был большой круглый красный визор. Издалека он походил на огромный глаз, он также сужался и приближался. Сверху торчали пять металлических лопастей. Сзади шлема проходила серия трубок, походившая на сухожилия.

— Уйдите с территории. Последнее предупреждение.

Один из стабилизаторов толкнул Тимофея в плечо. Тимофей кивнул и пошёл назад. Краем глаза он увидел, как возле подстреленного стояли два более укомплектованных солдата. Один из них прижал гитариста лицом к брусчатке. Гитарист не двигался, лишь изредка медленно дышал. Регулятор упёрся дулом ему в голову. Регуляторы были одеты в более массивную броню. У них не было пальто, зато были огромные зазубренные винтовки.

— Дельта докладывает, объект задержан. Протокол «Санация» выполнен, — продиктовал регулятор.

Сам гитарист был в куртке из настоящей кожи. Складки пропитались кровью и прилипли к телу.

«Чёртов Фрактал... Чтоб вы все под землю провалились, гниды...»

Тимофей отвёл взгляд и быстро зашагал к своей квартире.

Щелчок

На пороге его уже ждал дядя Щелкун. Он встретил его запахом перегара и ударом в лицо.
— Ты куда смотришь, сука?!

Парень упал на руки. Пластиковая бутылка пива отлетела в сторону. Грязь возле порога впиалась в кисти. После удара нити внутри головы зашевелились. Они хотели выйти наружу через рот. Тимофей прикусил разбитую губу и попытался молча встать.

Щелкун взял парня за волосы и отвёл на кухню. Кухня заполнилась дымом дешёвой сигареты. Он кинул парня в угол к холодильнику. Тимофей попытался встать и выбежать. Щелкун снова швырнул его — на этот раз на холодные острые ребристые батареи. Железный штырь пропахал спину, оставляя новый шрам.

— Я научу тебя!.. Научу, шваль! — он запыхался. — Как надо... как надо, сука, смотреть на меня!

Тимофей сдерживал крики, чтобы не дать Щелкуну понять, что он делает всё правильно. Удар за ударом. Щелчок за щелчком.

Щелчок

Длинный полинявший бирюзовый коридор с шершавыми стенами. Краска отслаивалась, как ороговевший слой кожи. В конце коридора ждала тьма. Из этой тьмы выходили ученики. Свет мигал по всей школе. Снова барахлила проводка. Классы стали ещё более серыми, чем обычно.

Кафельные полы в виде мозаичного панно, сделанного из маленьких белых и чёрных камней, недавно были помыты. В воздухе летал запах грязной выжатой тряпки. По коридорам доносился шёпот из десятков голосов.

Тимофей возвращался из столовой, где снова подавали слипшуюся манку. Каша часто побулькивала в белых, исцарапанных вилками и ложками тарелках. Хлеб лежал на столах. Столы были прибиты к кафелю саморезами. Булки были покрыты плесневелой коркой. Сама столовая пахла старым антисептиком.

Тимофей шёл, держа руки в карманах. Он нередко оглядывался назад, но зачастую смотрел под ноги на свои туфли с помятым носиком. На нём был одет чёрный пиджак в заплатках. На груди красовалась эмблема школы — число «81». Эмблема изрядно изнасилась, потускнела и держалась на ниточках. Пиджак был мал и при резком движении мог бы порваться. Белая помятая рубашка давила на горло, от неё зудела спина и от пота она вечно прилипала к коже.

Несколько учеников сидели на белых подоконниках. У них были выглажены рубашки. Туфли сверкали. Они смотрели в спину Тимофею. Он ускорил шаг. Проходящие мимо ученики сливались в однородную массу. Их лица будто стёрли, оставляя штрихованные очертания.

Тимофей, проходя мимо, поглядывал в чужие классы. Глазницы учеников полоскали маленькие щупальца кальмаров из телефонов. Они были тонкими и менее подвижными, чем щупальца из экранов телевизоров и компьютеров.

Парень уже почти зашёл в класс. Он ускорил шаг ещё больше. Каблук туфли цокал громче. Ему нужно лишь завернуть за угол...

За углом его уже ждал Матвей. Тимофей стукнулся об его широкое плечо. У Матвея был идеально посажен пиджак. Новая белая рубашка хорошо сочеталась с синим длинным галстуком и его синими глазами.

— Видел тебя на первом уроке... Ты же знаешь, что с тобой будет... Зачем пришёл-то?.. — он говорил тихо, почти шёпотом.

— Три пропуска, и за мной придут из Отдела Чистоты. Пожалуйста, дай мне просто отсидеться...

— Эх, Тимка... Я же тебе жизнь не дам... Как ты понять-то не можешь?..

Прозвенел звонок. Он распространился по всем длинным тёмным коридорам школы. Матвей осмотрел Тимофея с ног до головы. Он ехидно улыбнулся и хмыкнул носом.

Ученики из коридоров стройной шеренгой зашли в кабинеты.

Тимофей зашёл в класс и сел за пронумерованную парту. На столе — учебник географии, одобренный Отделом Чистоты. Сухой текст и чёрно-белые картинки территории ООК.

В класс зашла высушенная женщина с острыми скулами и идеальными очками. На ней была строгая юбка-карандаш и такая же строгая рубашка. Женщина походила больше на куклу, сшитую белыми нитками. Кожа у неё была белая, и синие вены просвечивались. Она осмотрела класс и выждала паузу. Затем её высокий голос распространился по классу:

— Mundus esto, класс.

— Sine condensatu, учитель, — хором пропели ученики, и Тимофей вместе с ними.

Рот Тимофея сказал приветствие сам на автомате. Ученики встали и поклонились.

Белые лучи солнца отражались от белых парт. Пахло мелом и хлоркой. Стены плавись от влаги и жары. Тимофей снова вспотел. Капли стекали с носа. Сверху над доской были известные своим величием граждане ООК. Политики, главнокомандующие, учёные. Фотографии были чёрно-белые.

— Садитесь. Сегодня мы поговорим о свободе и рабстве, о правде и лжи, о спасителях человечества и тех, кто хочет погубить наш род. Вы уже прекрасно знаете о них...

Женщина прошла возле белой доски.

— Многие родители ушли на войну с ними и так и не вернулись...

Женщина сделала многозначительную паузу.

— Они убивают женщин, детей, стариков. Каждый день они противятся новому мировому порядку... Вы знаете, как их зовут...

Десятки учеников подняли руки вверх, подпрыгивая с мест в надежде, что назовут их имя.

— Давайте скажем хором!

— Аксонийцы!

Тимофей промолчал. Он отвёл взгляд.

— Да... Аксония... Федеративная Республика Аксония, прошу прощения, так они просят себя называть.... Они кусают спасительную длань... Они отвергают наших благодетелей...

Женщина показала рукой в сторону неба.

— Отвергают Контакт, отвергают Чистоту разума... На своём континенте они... только представьте себе... смотрят, как их дети умирают от нейродегенерации! Они дают им слушать музыку... Дают им смотреть на картины, показывают мерзопакостные сцены из фильмов! А потом удивляются, как же это у них умерло триста миллионов человек! Как же это ПАК червиво переходит от человека к человеку!

«Чушь. В уши ссут».

Тимофей сжал ручку.

— Только мы, жители Картензии... Жители Объединённой Организации Квадрантов, понимаем всю серьёзность намерений наших господ...

Учитель прошла между партами и следила, чтобы каждый записывал под диктовку.

— Мы создали Фрактал с помощью наших благодетелей. Мы создали равенство.

Один из учеников сдерживал слёзы от речи учителя. Он с упоением записывал всё под диктовку. На его щеке росла красная пенистая язва.

— Благодетели дали нам технологии... Дали нам возможность жить в процветающем мирном завтра... Избавили страны от голода, избавили нас от болезней и междоусобных войн...

Она подняла голову кверху и провела своими тонкими пальцами по эмблеме ООК — синий материк, разрезанный белыми линиями.

— Взамен они ещё забирают нашу гниль из мозгов.

Ученики закивали головой.

— Мы должны быть благодарны нашим спасителям!

— Должны. Да, должны, — шёпотом заговорили ряды.

— Если бы не помощь наших господ, мы бы никогда не добились создания такой великой державы, как нашей...

«Столько погибших».

Пластиковый корпус ручки треснул.

— ...они сплотили наш материк, и лишь благодаря им человечество сделало шаг к общему единству!

«Мы скот. Коровы и то раньше лучше жили».

Нити внутри забурили, и лицо парня исказилось в гримасе отвращения. Учительница заметила выражение Тимофея.

— Леинковски, есть что добавить?

Она смотрела сквозь юношу.

— Нет... ничего.

Она задержала взгляд, поправила очки, подошла к его парте и заглянула в пустую тетрадь Тимофея.

— Где записи, Леинковски? Почему не записываешь?

— Я слушаю.

Тимофей не слушал. Он смотрел на карту до Эры Чистоты: ушедшие под воду острова Новой Телии, полуостров Аукета. И главное — материк Картензия, который раньше был разбит на множество государств.

— Я не спрашиваю, слушаешь ли ты. Я спрашиваю, где твои записи?

По классу пронёсся шипящий шёпот учеников с красными змеиными глазами. Тимофей закрыл учебник.

— Пиши под диктовку девиз ООК. Это касается всех. Пройду — проверю. Пиши: «Чистота разума — превыше всего».

Юноша стал корявым почерком выводить слова учительницы на белом листке. Он вдавил кончик ручки на слове «чистота». Чёрные чернила растекались по тетради.

— Так-то лучше, а теперь класс, скажите, в каком году был основан ООК и Фрактал?

Щелчок

На следующем уроке толстая женщина в бесцветном платье говорила о ПАКе. Кожа у неё свисала с рук и шеи. Казалось, её кожа сделана из скульптурного пластилина, который лежал на солнце. В кабинете зловонно пахло огурцами.

— Кто может сказать, что такое психоаффективный конденсат? Леинковски?

Тимофей встал. Глаза бегали по учебнику.

— Ну?

— Это чувства? Эмоции?

— Чушь. Матвей, ответь, как нужно.

Глаза Матвея стали ещё уже. Он встал. Выпрямился, и его тело стало ещё больше и длиннее.

— По Сплавову, ПАК — это материализованный сгусток чувств и эмоций, ведущий к нейродегенеративной дистрофии.

Ручка Тимофея перестала писать. Он стал черкать ею, пытаясь выдавить чернила.

«Нити. Эти ёбанные нити. Значит, я скоро умру?.. Блять...»

Он откинул ручку в сторону. Стало ещё жарче, по спине и подмышкам стекал пот.

— ...состоят из тонких осадочных нитей, перетекающих в неоднородный сгусток.

Тимофей посмотрел на дрожащую руку. Ручка упала, разрывая тишину. В глазах на секунду потемнело. Будто проводка решила выключиться окончательно. Тимофей раскрыл глаза, несколько раз проморгав. Комната заполнилась красной пеленой. Все взглянули на упавшую ручку. Только вместо лиц у школьников были лица зверей. Вместо глаз были светлые

впадины, из которых выходил свет. Они смотрели не на Тимофея, а на то, что было у него в голове. Ещё чуть-чуть, и звери набросятся на него. Учительница замолчала. Тимофей медленно поднял ручку. Сердце колотилось. Из пастей зверей полилась кровь, и они скалились. Из белой школьной доски выросла копна червивых щупалец. Красная пелена вокруг сгушалась. Тимофей схватился за голову. Виски сейчас сдавят мозг в кашу.

— Матвей, как всегда, справился. Тебе, Леинковски, стоит поучиться у лучших, — сказала учительница, в горле у неё что-то забулькало.

Матвей присел за свою парту. Пригляделся к Тимофею. На то, как тот дрожит. На то, как он покрылся росой пота. Он увидел, как из уха Тимофея потекла серая полоска.

Тимофей сжал зубы и несколько раз ударил себя по голове. Последний удар был особенно сильным. Свет снова выключили и включили. Пелена всосалась в стены. Щупальца сгнили и рассыпались. Лица зверей отпали от школьников.

Сгусток в голове готов был взорваться. В глазах у Тимофея всё ещё рябило. Он отчётливо слышал черкающие звуки ручек, слышал кашель в соседних кабинетах. Белый солнечный свет протыкал глазные яблоки, зрачки расширились. Тимофей не успевал записывать речь учителя. Обрывки фраз смешивались между собой, превращая конспект в надписи психически больного.

Прозвенел звонок. Ученики быстрым шагом покинули класс.

Тимофей долго копался. Он промахивался руками по столу, пытаясь ухватиться за тетрадь. Объекты плыли между собой.

— Мы же говорили тебе, чтобы ты сюда не приходил...

Тимофей хотел не обращать внимания на слова, которые донеслись сзади.

— Видимо, тебе нравится, когда тебя бьют?..

Кто-то хихикнул. Учительница вышла и закрыла деревянную дверь.

Матвей медленно подошёл к Тимофею. Посмотрел в лопнувшие капилляры глаз Тимофея.

— Не важно выглядишь, да?

Он ударил Тимофея по животу, затем к нему подбежали шестёрки Матвея. Их было человека четыре, если не больше. Они схватили его и положили на стол. Тимофей пытался вырваться, кусаться.

— Спасите! Блять, кто-нибудь!..

— Ты и сам, наверное, догадываешься, в чём дело, не так ли?

Он достал из-за пазухи сканер ПАКа. Тимофей несколько раз сильно дёрнулся в попытке выскользнуть.

— Не шевелись, иначе результат будет не точным...

Красные полосы просканировали череп. Они показали сгусток внутри юноши. Сканер протяжно запищал.

ПСИХОАФФЕКТИВНЫЙ КОНДЕНСАТ: СПИРАЛЕВИДНОГО ВИДА

УРОВЕНЬ: ВТОРОЙ

НОРМА: ВЫСОКАЯ НОРМА

СРОЧНО ПРОЧИСТИТЕ СВОЙ ПАК!

— Ух ты... Да у тебя скоро нейродегенерация начнётся.

— Мозгля чёртова! Заразу разносит! — прогорланила одна из шестёрок.

— Слушай, я же могу завтра пойти к директору с этим... Или же даже в Отдел Чистоты...

Наверное, я так и поступлю... Ведь чистота разума — превыше всего, — он подмигнул.

Матвей вальяжно взял ручку со стола Тимофея.

— А чтобы они точно знали, кого задерживать, я оставляю опознавательный знак...

Его держали за руки и ноги, пока Матвей выводил чёрной пастой на лбу:

«Выродок».

Он рисовал каждую букву с удовольствием, надавливая до крови.

— Больным не место среди людей! — крикнул кто-то из шестёрок.

Буквы заполнились кровью. Последний удар пришёлся по червивой голове. Он очнулся на парте, когда уже солнце уходило за горизонт.

— Ненавижу... — шептал он сквозь слёзы. — Всех ненавижу... Всех.

Он тёр свой лоб, красные разводы остались на руке.

Щелчок

Он брёл по вечернему городу. На лбу всё ещё оставались ссадины от ручки, пасту он еле как отмыл. Лицо скрывал респиратор. Завод выбросил заразу в город.

Маленькие жёлтые грибы пробивали асфальт и выбирывали от поступления дыма.

Люди шли домой в рабочих синих комбинезонах — лица сухие, глаза впалые, вместо рта огромные дыры. У некоторых были бело-красные язвы по всему телу. Наросты отличались по своему размеру: у кого-то были маленькие гнойные пупырки, у других — опухоли, свисавшие на коже.

Тимофей шёл в этой толпе, виски сдавливала знакомая тягучая боль.

Зазвучала сирена. Громкая. Острая.

Толпа остановилась.

Задребезжали окна. Птицы улетали прочь. Собаки убегали в подвалы.

Толпа рванула вперёд, расталкивая друг друга. Один мужчина споткнулся, его голову раздавили ногами, как арбуз. Люди бежали к подвалам, к укрытиям.

Тимофея вытолкнули из толпы. Женщина огрела его сумкой по голове, он потерял равновесие и чуть не рухнул на бордюр.

Люди бежали в подвал рядом стоявшей многоэтажки. Тимофей бросился следом, несколько раз споткнулся — он думал, что успеет.

Угроза оказалась быстрее.

Ракета прилетела в многоэтажку. Взрывная волна откинула Тимофея в кузов припаркованной машины.

Снова запахло гарью. Пыль и пепел опускались с неба, как снег, медленно, хлопьями, покрывая улицу серым.

Тимофей слышал лишь непрекращающийся писк. Он лежал прибитым к автомобилю. Он почувствовал, как тёплая струйка стекает по лбу на щёку.

Через несколько минут он нашёл в себе силы приподняться. Пыль осела — он увидел руины дома. Из-под завалов торчала серая нога с бордовыми крапинками.

Послышался гул, а следом двойной хлопок. Дом неподалёку развалился на части, как игрушечный конструктор, который кто-то пнул ногой. Опухоли пищали и сгорали вместе с обломками железобетона, из них вытекал сок, который сразу же бурлил и испарялся.

Рядом по улице лежали люди. Взрывная волна задела их сильнее. Их вывернутые тела укрыло одеяло пепла. Везде валялись стёкла, сломанные кости выступали вверх.

Под завалами торчала оторванная женская рука. Рука была вперемешку с дымчато-красным месивом. В голове вспыхнула картинка рыбьей требухи.

Тимофей схватился за рот, сдерживая тошноту.

Писк сменился воем сирен и мучительным визгом раненых. Из ушей будто вытащили пробку, и поток звуков разбомбленной улицы хлынул в голову. Тимофей побежал, спотыкаясь, не разбирая дороги. Ноги не слушались, но он бежал. Снова послышались хлопки. Он вбежал в подворотню, ведущую на соседнюю улицу. Люди бежали, перепрыгивая заборы и машины, расталкивая друг друга. Сзади — огненные грибные шляпы от попаданий ракет.

Он побежал вместе с толпой. Пока не увидел мужчину, медленно идущего в сторону взрывов. В его глазах отражался огненный бутон.

Тимофей подбежал к нему и закричал:

— В укрытие! Бежим!

Он схватил мужчину за руку, потянул.

Мужчина не сопротивлялся. Он шёл вперёд и бормотал:

— Там же Рина... там... Рина...

Он внезапно схватился за голову. Он крикнул. Крик захлебнулся пеной. Из ушей потекла серо-кремовая гниль. Мужчина упал, скорчился в судорогах, захрипел и затих. Глаза заплывли белым, и он ушёл из этого мира.

Тимофей разжал руку мертвеца и побежал дальше. Дорожка слёз сделала щеки чище. Он забежал за дворы. Одно укрытие было открыто. У входа стоял низкий мужчина с длинными усами и синей, заляпанной моторным маслом рабочей робе.

— Пацан, сюда!

Тимофей вбежал в подвал. Дверь захлопнулась. Штукатурка осыпалась сама по себе. Жёлтые стены подвала казались ещё желтее от лампы. Юноша шагнул вперёд. Укрывшиеся смотрели на него белыми испуганными глазами. Мужчина сел у двери и закурил. Подвал был забит битком. Тимофей присел на пороге.

Сердце гоняло кровь. Пахло сыростью. Младенцы плакали на руках матерей. Кто-то кашлял. Тимофей тяжело дышал. Перед глазами всё ещё стоял образ — рука под завалами. Через несколько минут глаза закрылись сами собой.

Щелчок

Желтоволосый мальчик сидел на белой кушетке возле глянцевого ромбовидного устройства. Пахло спиртом и рыбными потрохами. Белый кафель был испачкан в розовых пятнах.

— Где мама?.. Где папа?.. Куда вы дели сестрёнку?!

Он дёргался на кушетке. Санитары с пустыми чёрными глазницами обвязали его ремнями.

Из устройства вылетели щупальца. Они взяли его за руки, проникли в уши, впились под глазные яблоки, тянули голову вперёд. Тимофей засыхал, кожа сморщилась и покрылась плёнкой. Он скукожился, превращаясь в гниlostный картофель. Маленькие щупальца гладили его тело, проверяя пульс. Он кричал внутри себя, но крик не выходил наружу. Он остался внутри мальчика.

Тимофей стал жидким существом. Он всё ещё был привязан к устройству. Щупальца отпустили его — он разлился по полу, оставляя пустую оболочку. Тело без разума.

Жуткий свист разрывал пустоту.

Щелчок

Тимофей вышел из подвала ранним утром, когда сирена стихла. Солнце не проходило сквозь мареновый дым и пыль. На улицах толпились стабилизаторы Фракталя и медики. Они разбирали обломки, убирали раненых и трупы. Раненые надрывно стонали. Тела были покрыты пеплом и гранатовыми отметинами.

От домов, куда прилетели ракеты, остались дымящиеся фасады.

Щелчок

Тимофей вернулся домой. Дядя лежал пьяный на полу в собственной рвотной массе. Парень тихо прошёл в комнату и рухнул на кровать. Пыль с его одежды разлетелась по комнате, и он больше не мог сдерживать слёзы.

Он проснулся посреди ночи в холодном поту. Вспомнил тот сон. Снова щупальца. Но теперь — обрывки: руки в пепле, крики, выстрелы. Он знал — это был не сон. Архирейка. А следом — люди с автоматами. Стёртые воспоминания наждачкой по мозгу.

Обстрел пробудил воспоминания. Открыл зашитый шрам, расцарапал его.

На мониторе всё так же мелькали геометрические фигуры. Щупальца тянулись к Тимофею, но не дотягивались. Он расчёсывал кожу до красных полос.

«Это всё черви. Очевидно, черви. Они виновники этих снов».

Щупальца издавали свист кипящего чайника. Тимофей закрыл уши и глаза.

Снова просканировал конденсат.

НОРМА: КРИТИЧЕСКАЯ НОРМА

СРОЧНО ОБРАТИТЕСЬ В ОТДЕЛ ЧИСТОТЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ЧИСТКИ.

Он знал, чем это кончится. Он умрёт, как тот мужчина в твидовом костюме. Или они придут за ним и проведут чистку.

Что хуже?

— Архирейка... — шептал Тимофей.

На календаре стояла отметка — дата диагностики всей школы. Там-то они точно узнают о его гнилых мозгах. Если Матвей не расскажет первым...

Фонарный столб лил голубовато-белый свет. Завод резал голову гулом. Из ушей снова полился гной. Зачесались кости. Голову ломало то вправо, то влево. Кисти выворачивало.

Разбитые часы остановились.

Щелчки прекратились.

Был выходной день. Щелкун сидел на дырявом диване у огромного телевизора, где мерцали геометрические фигуры.

Тимофей заварил чай и направился в свою комнату. Идя на цыпочках, он старался не разбудить крысу. Пол треснул.

Крыса услышала.

— Эй! — зашипела она. — Видел вчерашний обстрел? Вот уроды! Когда я на Первой межконтинентальной был, мы обстреливали ФРА, а не они нас!..

— Ты что-то хотел?

— А-а-а... Нихера ты не поймёшь, пиздюк ещё! Ладно, иди убирайся в гараже. Ко мне гости придут. Не хочу, чтобы ты тут маячил.

Под гостями он имел в виду своих собутыльников.

Тимофей поставил кружку на стол в комнате. Его знобило. Из носа шли выделения.

Одежда в пыли всё ещё лежала на стуле. Он посмотрел в окно. Затрясло.

«Ещё одну бомбёжку я не переживу...»

Он провёл пальцем по порезу на лбу.

— Ну?! Какого хера ты ещё не в гараже?! — закричал Щелкун.

Тимофей взял свитер и вышел.

На этот раз было прохладнее. Ветер гнал воду по лужам. Трёхглазые воробьи искажённо чирикали, оставляя эхо в голове. На голографическом стенде горела надпись: «Записаться в добровольцы армии ООК можно в центральном Отделе Чистоты вашего Фрактала».

Тимофей сплюнул и пошёл к гаражам.

Соседний гараж был полностью поглощён опухолью. Только металлический край дверцы выдавал его.

Голова раскалывалась сильнее обычного. В голове гудело. Внутри всё пощипывало. Он тяжело сопел. В горле образовывались комья пены.

— Чуть-чуть... Мне осталось совсем чуток, и всё это наконец закончится.

Он снял респиратор. Вдохнул полной грудью. Улыбнулся. Его капилляры в глазах снова лопнули. Почувствовал, как на дне лёгких образовался осадок.

Тимофей еле доковылял до дверей гаража. Лёгкие хрипели. Он вставил длинный ключ в синюю дверцу, заросшую охровым мхом. Мох стелился как шерстяной ковёр.

Он прошёлся чуть вперёд. В нос ударил запах машинного масла. На языке появился вкус металла. Пыль и паутина осыпались. Было темно и холодно. Сырость проникала сквозь кожу к самым костям. Он нащупал на стене выключатель — тусклый оранжевый свет осветил пространство. Трёхлапые мыши забежали в свои норы.

По центру стояла старая «копейка» дяди. Без колёс, дверей и стекла. Он потихоньку разбирал машину по частям. Салон внутри был изорван в клочья.

На полках — пустые банки с мёртвыми пауками. Рядом с банками стопками лежали старые газеты. Под полками лежали сырые коробки. Тимофей прокашлялся и подошёл к грудке картона. Он раскрыл коробку, и внутри оказалась аккуратно сложенная форма в расцветке военного камуфляжа. Одежда была зашита зелёными заплатками. Под одеждой были медали. Медаль вооружённых сил ООК «За проявленную отвагу» выглядела в форме белой выпуклой галочки. Медаль «За Чистоту разума» была в форме длинного белого перевёрнутого треугольника и сделана была из латуни.

На верстаке — лежали инструменты в паутине: молоток и лом.

В углу — спущенные шины, погрызенный веник и пустая красная канистра.

На полу было всё заляпано мышинным помётом. Ближе к мышинным норам пахло гнилой картошкой. Этот кислый запах впитался в гараж.

В другом углу стоял синий металлический шкаф. Вдруг парень услышал шёпот:

— Открой...

Сотня других голосов путались. Они звучали протяжно-нежно.

— Сделай это... Давай же...

Глаза сузились. Из головы опять подтекает.

Тимофей открыл дверцу — и изнутри вырвалась стая синей моли. Она закружилась возле него. Он сморщился, как от горсти аскорбинок, и отогнал насекомых рукой. Моль стаяей вылетела на улицу и поднялась в небо. Шкаф казался маленьким, но внутри — склад хаоса. Тимофей ухватился за что-то и потянул — лавина хлама вывалилась, сметая машину и полгаража. В руках — гитарный чехол. Мясистый чехол из детства. Он сразу вспомнил его. Он точно знал — там находится инструмент.

Он потряс чехол — внутри что-то дрогнуло. Внутри что-то просилось на волю. Оно ждало своего пробуждения все эти годы.

Тимофей положил чехол на погнутый кузов копейки. Он раскрыл молнию.

Внутри — электрогитара Fender Mustang, бирюзовая, побитая, с облезшей краской.

Он плавно дотронулся до струн.

По пальцам пробежали бирюзовые искры. Внутри всё скорчилось — он отпрянул. Чехол упал, издав бренчащий звук. Из него вылетела фотография.

На фото — отец и дядя Щелкун. Дядя был похож на человека. Он был высоким подтянутым мужчиной с мягкой жёлтой бородой. Отец был ещё выше, у него были ярко-бордовые глаза и вытянутое лицо. Братья обнимались, в руках — электрогитары. У отца был Fender. Тимофей сравнил фото с гитарой. Опустил взгляд на инструмент. Медленно взял её за гриф. Положил фото на капот.

Он быстрыми движениями провёл пальцами по струнам. Сердце остановилось. Ладони вспотели. Гитара заискрилась, как бенгальский огонь. По спине пробежал холодок. Нити зашевелились. Голову вытащили из тисков боли. Черви закрутились в спираль и задрожали. Пена перестала стоять в горле. Не было ощущения влаги в ушах.

Тимофей ударил по струнам со всей силы. Гитара взорвалась искрами.

Сгусток внутри сузился в маленький тёмно-серый шарик.

Голова очистилась. Чистота была другой, чем от шупалец — свежая, лёгкая, свободная.

Опухоль на стене гаража начала съеживаться, сочиться розовой жидкостью. Она разлагалась.

Тимофей улыбнулся. Нелепо, на бледном лице с синяками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.